

РАЗДЕЛ IV. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 341.7(470+571):339.97(1-664)"713"

Штоль В.В.

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье отмечается важность всех геостратегических направлений при формировании внешней политики России. В статье анализируется положение на постсоветском пространстве (Прибалтика, Приднестровский регион, Белоруссия, Украина, Казахстан и республики Центральной Азии) с учетом отношения в новых государствах к русской (советской) истории. Рассматривается политика украинских властей и дается оценка референдума в Крыму и его присоединения к России, а также референдумов в Донецкой и Луганской областях. По мнению автора, действия Киева ведут к расколу страны. В заключении статьи формулируются задачи руководства России на постсоветском пространстве. *Ключевые слова:* постсоветское пространство, Украина, Белоруссия, антирусский потенциал, Молдавия, Приднестровье, Казахстан, Россия, ЕС, США.

V. Shtol

*Russian Academy of National Economy and the Public Service
under the President of the Russian Federation, Moscow*

GEOPOLITICAL OBJECTIVES OF RUSSIA IN THE POST-SOVIET SPACE

Abstract. The author speaks about the importance of considering all geostrategic directions in the formation of Russia's foreign policy. The article analyzes the situation in the post-Soviet space (Baltic, Trans-Dniester region, Belarus, Ukraine, Kazakhstan and the republics of Central Asia), considering the attitude of new states to the history of Russia (Soviet State). It also describes the policy of the Ukrainian authorities, presents the evaluation of the referendum in the Crimea and its annexation to Russia, as well as of referendums in Donetsk and Lugansk regions. The article evaluates Kiev's actions, which, according to the author, lead to the breakup of the country. The tasks of Russia's authorities on the territory of post-Soviet Russia are formulated. *Key words:* post-Soviet space, Ukraine, Belarus, anti-Russian potential, Moldova, Trans-Dniester region, Kazakhstan, Russia, the EU, the USA.

© Штоль В.В., 2014.

Для Российской Федерации как крупнейшего государства на постсоветской территории геополитически важны все направления: запад, восток, юг, север. А для оценки возможности выстраивания отношений с постсоветскими странами, с учетом внешнеполитических факторов, необходима оценка антирусского потенциала в них.

После распада СССР на территорию любого вновь образованного государства и на гражданство в нем претендовала в первую очередь титульная этническая группа или этническое на данный момент большинство, а в ряде случаев просто очень агрессивное национальное меньшинство по сравнению с русским и русскоязычным населением. Именно этим определяется антирусский и националистический потенциалы, отношение к периоду в своей истории в составе Российской империи/СССР и, как следствие – к Российской Федерации.

Итак, **западное направление – Прибалтика.**

Национализм в Прибалтике имеет чисто этническое лицо.

Политическими элитами Эстонии и Латвии был выбран проект национального светского государства. В этом проявилось нечто бессознательное, что копилось десятилетиями и столетиями, – неудовлетворенное этнонациональное чувство прибалтийских народов. В настоящее время наблюдаются попытки реванша за все явные и мнимые обиды прошлого как такового.

Отсутствие государственности как одного из важнейших идентификационных ориентиров национальной безопасности, а также периферийное положение в европейской культурной

системе сформировала у прибалтийских народов ряд комплексов. Особенно это проявляется у представителей эстонской и латышской этнокультур.

Литовцы, имеющие длительную традицию собственной государственности, значительно увереннее чувствуют себя в процессах этнической самоидентификации.

Первоначально основой национального самоутверждения в Прибалтийских странах стала критика советского прошлого. Она началась еще в 80-е годы прошлого века. В постсоветский период представители прибалтийских общин не могли удержаться от проявлений русофобии, характерной для западной культуры в целом, особенно для стран, соприкасающихся с Россией и русскими.

Но главным было не это, а то, что элиты Прибалтики стремились создать себе моральное оправдание для принятия фактически репрессивных мер по отношению к русскому и русскоязычному населению и осуществить исторический реванш за русско-советское прошлое [1].

При этом прибалты добровольно взяли на себя миссию «защиты западной демократии» от современной России, что было необходимо им как для собственного самоутверждения, так и для демонстрации возвращения себе европейской идентичности [7].

Второе направление – юго-западное, или приднестровско-прикарпатское. Это территория современной Молдавии, западных районов Одесской и южных прикарпатских областей Украины.

Приднестровско-Прикарпатский регион по своим характеристикам представляет собой культуру четко вы-

раженного синтезированного типа, так как преобладающие здесь романские этнические группы имеют в своей культуре значительный славянский элемент. Все этнические группы пользуются русским языком как средством межэтнического общения и выхода в мировое информационное пространство.

Славянское и русскоязычное население сосредоточено в восточной части территории и геополитически ориентировано на Евразию, ибо эти территории формировались непосредственно под эгидой Российской империи/СССР.

Ориентиром молдавской идентичности является исторический факт существования Молдавского княжества, т.е. наличия в прошлом своей государственности. Другая часть романоговорящего населения идентифицирует себя с Румынией. Для этих двух групп населения важное значение имеет и существование с конца XIX в. объединенного румынского государства, когда в результате действия внешних сил (европейских держав, в том числе и России) молдаванами была утрачена роль творца своей собственной национальной судьбы.

Возникновение самостоятельного румынского государства на Балканах в XIX в. создало определенную иерархию в отношениях двух романских групп. Румыны заняли высшее место, так как имели свое государство. Молдаване, включенные в состав Российской империи, еще больше закрепили за собой статус периферии романской лингвистической общности. В составе Российской империи Молдавия была глухой провинцией. Таким образом, в конце XIX – начале XX в. можно говорить уже о двойной периферийности.

В Приднестровско-Прикарпатской зоне конфликтная ситуация начала вызревать еще в период перестройки, когда в Молдавской ССР было принято решение о переходе с одной системы молдавской письменности на другую – с кириллицы на латиницу. Это вывело из равновесия этнополитическую ситуацию, существовавшую в советский период.

Открытое противостояние больших групп населения началось при принятии парламентом уже суверенной Молдавии законов в национально-языковой сфере. Причем линия противостояния была четко привязана к территориям. Так, в районе левого берега Днестра большинство населения выступало за сохранение прежнего официального двуязычия и кириллицы в молдавской письменности.

Действовал и фактор разнонаправленной социально-политической ориентации населения, а именно поддержка или неподдержка молдавской независимости. Так, население Приднестровья в своей основной массе ориентировалось на Россию и надеялось на ее поддержку в отстаивании своих интересов и ценностей, выступало за сохранение СССР.

Молдаване, имея незначительное численное превосходство, претендовали на государствообразующую нацию, что в общем-то не давало им преимуществ и права в одностороннем порядке решать вопросы развития независимой Молдавии с переводом других групп населения в разряд этнических меньшинств.

При этом численный состав русских давал им основание участвовать в решении своего статуса и вопросов развития своей культуры.

В результате этого и возникли противоречия этнического характера, а так как в Молдавии существовали значительные территории с компактно проживающим не только русскоязычным населением, но и гагаузов, то в Приднестровско-Прикарпатском регионе оформилось несколько этнополитических центров.

Одним стал Кишинев, представляющий интересы романо-молдавских элитных групп и претендующий на легитимность власти и одновременно на монополию в государственном строительстве.

Другим центром стал Тирасполь. Он защищал интересы индустриальных районов Приднестровья и русскоязычных групп населения. Первоначально речь шла о его особом автономном статусе. Однако совместные действия элиты Кишинева, настаивавшей на унитарной доктрине молдавского независимого государства и не соглашавшейся на переговоры по вопросу об автономии, и экстремистски румыноориентированных радикалов привели к тому, что Тирасполь поставил вопрос о своей государственной независимости.

Был и третий центр. Это район Комрата, который сделал заявку на представление интересов компактно проживающих здесь гагаузов. Степень накала конфликта с Кишиневом была значительно меньше, чем с Тирасполем, так как на последнем концентрировалось все внимание центральной власти.

В результате в Прикарпатско-Приднестровской зоне сложилась совершенно особая ситуация в евразийском пространстве: компактно проживающее русскоязычное население сохра-

нило контроль над политическим процессом на своей территории и создало достаточно авторитетные структуры самоорганизации, провозгласившие независимую Приднестровскую республику [5].

В Прикарпатско-Приднестровском регионе особенно ощутимо проявлялось действие внешнего фактора. В данном случае – политических процессов, происходящих в Румынии, где антироссийские настроения зачастую принимали открытые и резкие формы, причем тональность задавали организации, единственной целью которых является «воссоединение» румынских земель, т.е. присоединение Молдавии к Румынии.

Третье направление – запад и юго-запад – современные Белоруссия и Украина.

После распада СССР определенные круги в Белоруссии пытались играть на антисоветских, антирусских настроениях, но не слишком в этом преуспели. С 1995 г. Россия и Белоруссия создали интеграционное объединение – Союзное государство. Продвижение по пути интеграции хоть медленно, но идет, часто выражаясь в иных формах, например, Таможенный союз и Единое экономическое пространство. Аналитики, рассматривая ситуацию в Минске и делая достаточно много замечаний по поводу либерализации экономики и других «демократических» ценностей, в большинстве своем говорят о стабильности в стране. Это находит подтверждение и в том, что сейчас очень редко можно встретить в России отдельных людей, приехавших индивидуально на заработки, только фирмы; а белорусские товары отличаются, как правило, высоким ка-

чеством. И, конечно, даже в периоды острых переговоров по газу ни о каких антироссийских высказываниях в Минске речь не идет.

Совсем иное дело Украина. Сейчас ситуация на Украине находится в фазе острого социально-политического кризиса на грани распада страны.

Первый этап кризиса начался в ноябре 2013 г., когда президент Янукович передумал подписывать Соглашение об евроинтеграции, и закончился 22 февраля 2014 г. захватом власти в Киеве радикальной оппозицией. Второй этап начался в конце февраля 2014 г. и завершился 18 марта 2014 г. вхождением Крыма и Севастополя в состав России на основании референдума, проведенного согласно международным нормам, на правах республики и города федерального подчинения соответственно [6; 9].

Провозглашение 7 апреля 2014 г. Донецкой Народной Республики и обращение к Президенту России В.В. Путину с просьбой о вводе в регион российского миротворческого контингента открывают третий этап «битвы за Украину». Пока еще возможны разные варианты развития событий в рамках проводимой Киевом антитеррористической операции, но в любом случае понятно, что «задний ход» Донбасс уже не даст.

Движение за проведение референдума по федерализации страны на юго-востоке Украины – это выражение протеста против евроинтеграции, на которую нацелена новая власть в Киеве, националистического бандеровского засилья в идеологии и политике самопровозглашенного правительства, против экономического неравенства запада и востока страны при распре-

делении бюджетных средств (основная доля ВВП производится в юго-восточных областях), льгот и преференций для Западной Украины, против украинизации всего и всех и т.д.

Еще некоторое время назад можно было предположить несколько вариантов развития событий.

1. Снять любыми «демократическими» средствами накал протестных выступлений. Однако желания приглушить донецкий, луганский и харьковский протест у киевских властей, как оказалось, не было.

2. Второй вариант – Киев идет на уступки юго-востоку и соглашается на проведение референдума о федерализации одновременно с выборами 25 мая. При этом должны быть прекращены все разговоры о сотрудничестве с НАТО, отложен вопрос о евроинтеграции до выборов новой Рады (т.е. подпись Яценюка под соглашением отзывается). После референдума должна быть начата подготовка новой конституции федеративной Украины. Этот вариант был возможен только в случае жесткого давления Запада на Киев, если там поняли бы, что альтернативой является крушение Украины как единого государства и появления очага нестабильности не где-то там, на Востоке, а вблизи границ вполне благополучного Евросоюза.

3. Третий вариант – движение юго-востока начинает подготовку к референдуму, получает косвенное признание от России. По мере приближения его даты киевские власти теряют терпение и решаются на силовые действия в Донецке, Луганске, Краматорске, Славянске и других населенных пунктах. Операция проходит с жертвами, параллельно на всем юго-восто-

ке идут «зачистки» сторонников союза с Россией.

Киев выбрал самый рискованный и саморазрушительный для страны путь. При абсолютной поддержке Евросоюза и США, молчании Совета Безопасности ООН о «демократических» ценностях все забыли, о правах человека – тоже. Даже в том случае, если существующая киевская власть победит, то это будет пиррова победа для власти и трагедия для украинского народа. Это когда-нибудь взорвет страну, ведь Запад заложил еще один «пороховой погреб» в Европе, а ООН что-то уж слишком стала напоминать Лигу Наций.

Конфронтация России с Западом при этом сценарии достигнет апогея. Провокационную опасность будут представлять наспех сформированные подразделения Национальной гвардии и террористические группы.

Итак, единственный способ сохранить единую Украину – прекратить попытки «увести» ее на Запад. Россия не заинтересована в присоединении той или иной области юго-востока, России нужна вся нейтральная Украина, находящаяся с ней в союзных и дружественных отношениях. Но если в Кремле увидят, что единственный путь остановить прозападную киевскую власть лежит через поддержку Донецкой Народной Республики, Луганска или всего юго-востока, то возможно, что Москва пойдет и на это.

Обсуждать, будет ли Донецкая республика независимой, примкнут или нет к ней Луганск, Днепропетровск и Харьков, сейчас невозможно. Унитарная Украина больше не существует, федеративная еще должна быть создана; чем больше будет пауза между двумя

этимими формами, тем меньше шансов на сохранение Украины как единого государства. Никто не знает, в каком составе будет через год Украинская Республика: без юго-востока или с югом, но без востока, или же сумеет сохранить свои нынешние границы. В любом случае главная задача России сделать так, чтобы Запад осознал полную бесперспективность любых попыток «похищения Украины».

Необходимо еще рассмотреть фактор Украины в геополитическом треугольнике Россия – Евросоюз – США.

Проблемным внешним фактором для Украины является неопределенность геополитических процессов. Она оказалась на перекрестке влиятельного и противоречивого треугольника Россия – Евросоюз – США. Геостратегические интересы этих трех субъектов международных отношений во многом противоположны, поэтому роль и значение Украины в этих процессах значительно увеличиваются, а для ее власти становится актуальным вопрос тонких политико-дипломатических маневров.

Ситуация не была столь острой в начале 90-х годов XX в., потому что западные эксперты не верили в жизнеспособность украинского государства, признавая здесь приоритет российских интересов. Именно этим объясняется тот факт, что президент США Дж. Буш пытался убедить перед референдумом 1991 г. высших правительственных чиновников не делать необдуманных шагов и поддержать перестройку в СССР. Аналогичными были и рассуждения Международного валютного фонда в 1992 г., когда эксперты настаивали на том, чтобы государства, которые ранее были частью СССР, не вводили соб-

ственную валюту и сохранили рублевую зону.

Второй, не менее важной причиной является трансформация глобально-геополитического пространства, начавшаяся после распада СССР. Геополитическое переформатирование приобрело более или менее четкие очертания только в начале 2000-х годов, что совпало с утверждением Украины как регионального актора и как активного субъекта международных отношений.

При разработке внешнеполитических решений Украина должна четко понимать, что международные отношения в регионе и в мире в целом формируются в основном под влиянием Евросоюза, США и России [2]. Поэтому, во-первых, определив приоритетный курс на евроинтеграцию, украинское руководство должно ответить на вопрос, а что нужно Западу от Украины? При понимании международной ситуации ответ будет такой: Украина нужна Западу как еще один рычаг давления на Россию и как рынок сбыта своей продукции, а поддерживать экономику страны, ее социальную сферу и инфраструктуру в его планы не входит. Во-вторых, как минимум знать и по возможности принимать во внимание интересы России как наиболее влиятельного соседа, отношения с которым характеризуются высоким уровнем взаимозависимости. В-третьих, здраво оценивать позицию США как глобального игрока, который влияет на расстановку сил в Европе и на постсоветском пространстве.

При пересечении интересов Евросоюза, Соединенных Штатов и России на территории Восточной Европы уровень их отношений с Украиной больше

зависит от своих взаимоотношений, чем от позиции самой Украины.

Сегодня противоречия в треугольнике Россия – ЕС – США все более обостряются, так как все заняты разработкой стратегий для укрепления своей позиции в регионе и расширения влияния через ослабление присутствия другой стороны. Так, ЕС и США объединяет приверженность к так называемым демократическим ценностям, борьба за их продвижение в мире. Важным объединяющим фактором в отношениях ЕС – США является сотрудничество в сфере трансатлантической безопасности. В то же время ЕС заинтересован в развитии диалога с Россией, особенно для диверсификации источников поставок энергоносителей в Европу как фактор влияния на страны Среднего и Ближнего Востока в переговорах по «нефтяным» вопросам. А в глобальном контексте, и при этом скрытно, ЕС заинтересован в развитии партнерских отношений с Россией с целью уменьшения гегемонии Соединенных Штатов на Европейском континенте.

США как глобальный игрок также заинтересованы в формировании сбалансированных отношений с другими сторонами треугольника: с Евросоюзом – для сдерживания влияния Российской Федерации в Центральной и Восточной Европе и в укреплении Евроатлантического сотрудничества; а с другой – необходим диалог с Россией – для согласования позиций по основным международным проблемам. Также не последнюю роль в отношениях США – Россия играет возможность закамуфлированного давления через Россию на страны Евросоюза.

Для Украины важно понимать точки соприкосновения этих интересов в

практической плоскости и определять свою роль в этой геополитической структуре.

Четвертое направление – юг – Казахстан и четыре государства Центральной Азии (бывшей советской Средней Азии).

Центральная Азия на протяжении чуть ли не двух веков является сферой влияния России, которая рассматривает эту территорию и в стратегическом, и в геополитическом плане. Проблема безопасности в ЦА имеет сложный геополитический, экономический и социальный характер.

Центрально-Азиатский регион обладает значительным конфликтогенным потенциалом. Выделяют внутренние и внешние угрозы безопасности. К внутренним вызовам относят социально-экономические и экологические проблемы, способствующие развитию политической нестабильности; к внешним факторам – угрозы международного терроризма, религиозного экстремизма, наркоиндустрию, оказывающие геэкономическое и геополитическое влияние. Важны и аспекты военно-политического сотрудничества. Особое значение имеет вопрос создания эффективной системы комплексной безопасности, способной обеспечить реальный суверенитет государств региона.

«Большая Центральная Азия» – это арена новой «Большой игры». Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия и Таджикистан, пять постсоветских республик, образуют регион, обозначенный Збигневом Бжезинским как зона «Евразийских Балкан» и включающий в себя также районы Юго-Восточной Европы, Центральной Азии и части Южной Азии, района

Персидского залива и Ближнего Востока.

Бжезинский охарактеризовал эту обширную территорию как регион нестабильности, являющийся «соблазном для вмешательства со стороны более мощных соседей» [10]. Именно здесь в настоящее время идёт геополитический процесс, обозначенный термином «Величайшая игра», новый этап так называемой «Большой игры» – борьбы неокOLONиальных держав за первенство в регионе.

В Центральной Азии по-прежнему большая роль принадлежит факторам, затрудняющим межгосударственное взаимодействие. Пограничные проблемы, взаимные опасения, соперничество, тяга к изоляционизму, нерегулированность взаимоотношений приводят к напряженности между странами. Существуют препятствия для взаимодействия разделенных этносов на территории Центральной Азии. Это происходит в условиях, когда имеющие спорные проблемы государства являются членами одних и тех же международных организаций, в которых Казахстану и России принадлежит ведущая роль.

В последнее время администрацией США предпринимались попытки провести в жизнь идею политического региона «Большой Центральной Азии», включающего, кроме постсоветских республик, еще Монголию, Афганистан и Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. При реализации такого подхода могут обостриться угрозы для безопасности всей постсоветской Центральной Азии, так как радикальные идеи при более широких контактах населения региона с жителями Афганистана и Пакистана будут

способствовать росту местного радикализма, появлению и укреплению экстремистских группировок. В конечном итоге и государства Центральной Азии это всегда понимали, целям модернизации в гораздо большей степени отвечает их ориентация на Россию и Запад, чем на государства южного направления.

С точки зрения безопасности большое значение имеет ответ на вопрос, является ли Центральная Азия ареной новой «Большой игры», или расположенные здесь государства играют самостоятельную роль по отношению к внешним акторам?

В этом контексте особое значение приобретают российско-американские отношения в регионе, которые порой рассматриваются как некое возрождение традиций соперничества между двумя державами. Важным моментом остается асимметрия интересов России и США. Российские интересы в Центральной Азии гораздо шире американских, что обусловлено историческими, экономическими и социальными причинами, высоким уровнем взаимозависимости и т.п. Для США военное присутствие в регионе было на первых порах конъюнктурным, связанным с подготовкой военной операции в Афганистане после трагедии 11 сентября 2001 г., а в дальнейшем стало ясно, что США останутся в регионе неопределенно долго.

Для России концепция неопределенно долгого американского присутствия в Центральной Азии вряд ли приемлема, хотя она сама заинтересована в стабилизации положения в Афганистане и его выводе из «серой зоны». С другой стороны, Соединенные Штаты, в принципе, могут уйти из

региона без особого для себя ущерба, а для России уход американцев обернется повышением угрозы ее национальной безопасности, равно как и безопасности самих центральноазиатских государств.

Китай – еще один ведущий игрок в Центральной Азии, который усиливает свои позиции и придерживается стратегии равноудаленности. Его региональная политика базируется на получении энергоресурсов от Казахстана и, отчасти, Туркмении, а также на развитии сотрудничества в сфере безопасности и экономики через ШОС.

В заключение можно рассмотреть один из сценариев, по которому может развиваться ситуация на южных границах России с Казахстаном и центральноазиатскими странами, принимая во внимание идеи Евразийского союза.

Особенности данного момента в том, что современное противостояние великих держав, хотя и происходит в иной международной обстановке, отличной от классических схем холодной войны, по своей сути сохраняется. Оно не такое явное, носит завуалированный и латентный характер [7].

И в Москве, и в Пекине, и в Вашингтоне прекрасно понимают, что в условиях глобализации и идущих интеграционных процессов уровень политических и экономических отношений между развитыми и развивающимися государствами должен быть достаточно высоким. Однако когда речь заходит о национальных интересах и безопасности, то столкновение этих интересов в стратегических регионах ответственности в борьбе за энергетические, транспортные и иные ресурсы может принимать самые жест-

кие формы борьбы. Пространство СНГ – яркий пример такого скрытого противостояния держав, включая Россию, США, Китай и страны Европы [8].

Поэтому создание Евразийского союза затрагивает не только Казахстан и страны Центральной Азии, но прежде всего влияет на взаимоотношения Китая и России, их положение в Шанхайской организации сотрудничества [3]. Однако при всех имеющихся на сегодняшний день противоречиях между странами и даже минусах в той или иной сфере в долгосрочной перспективе преимущества евразийского интеграционного проекта В.В. Путина перевешивают его недостатки, потому что «процветающий и стабильный Китай нужен России, и, в свою очередь, Китаю нужна сильная и успешная Россия» [4].

Для работы России на постсоветском пространстве можно сформулировать следующие **рекомендации**

1. СНГ – действующая организация, но, как каждая давно существующая структура, нуждается в обновлении, уточнении целей и задач, совершенствовании структуры и т. п.

2. России как наиболее влиятельному члену организации необходимо очень внимательно анализировать ситуацию не только в СНГ, но и на всем постсоветском пространстве с учетом геополитических интересов как приграничных стран, так и Запада.

3. Российская Федерация должна очень жестко отстаивать свой международный авторитет как политико-дипломатическими, международно-правовыми методами, так и используя «мягкую силу» – гуманитарную сферу (культура, образование, в частности

расширение преподавания русского языка за рубежом).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александров М. Начнет ли Россия геополитическое наступление в Прибалтике // *Обозреватель–Observer*. – 2012. – № 5.
2. Ивашов Л. Украина на геополитических перекрестках // *Обозреватель–Observer*. – 2014. – № 4.
3. Михайленко А. Евразийский экономический союз: суть проблемы // *Обозреватель–Observer*. – 2014. – № 4.
4. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // *Известия*. – 2011. – 5 окт.
5. Штоль В. Постсоветские государства: поиски самоидентификации и издержки независимости // *Обозреватель–Observer*. – 2012. – № 12.
6. Штоль В. Украина: реформы или крах // *Обозреватель–Observer*. – 2014. – № 5.
7. Штоль В. «Холодная война» не закончилась. Интервью // *Красная звезда*. – 2014. 14 мая.
8. Шучинь В., Цинсун В. Перспективы Евразийского интеграционного проекта и его последствия для Китая // *Обозреватель–Observer*. 2013. № 4.
9. Абрамов А.В., Егоров В.Г., Комлева Н.А., Феофанов К.А., Волобуев О.В., Абрамова Ю.А., Гонзалес Д.А., Багдасарян В.Э., Федорченко С.Н., Муштук О.З., Постников Н.Д. Украинский кризис 2013-2014: причины и последствия (круглый стол) // *Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета*. 2014. № 1. – URL: <http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/538>
10. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска / Пер с англ. О. Ю. Уральская. – М.: Изд-во: Международные отношения, 2009.